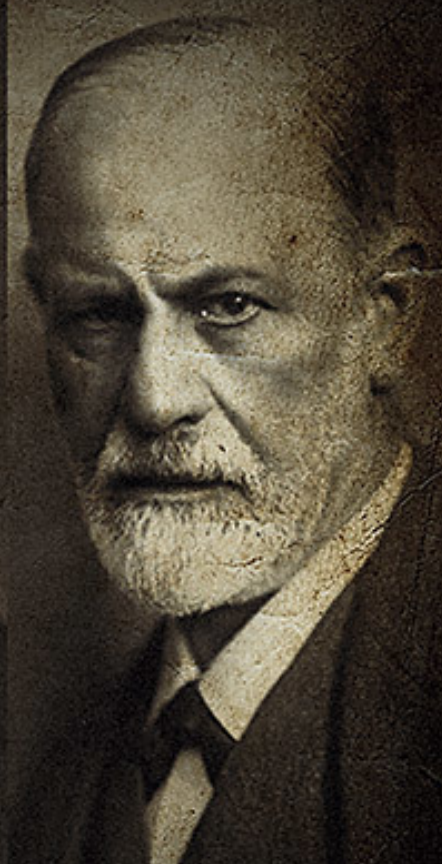

ПРЕДИСЛОВИЕ

ДМИТРИЙ GOBLIN ПУЧКОВ

РАЗВЕД | ОПРОС

ЕГОР ЯКОВЛЕВ

ДРУГ
ГОСУДАРСТВА

ГЕНИИ И БЕЗДАРНОСТИ,
ИЗМЕНИВШИЕ ХОД ИСТОРИИ

Разведопрос

Егор Яковлев

**Друг государства. Гении и
бездарности, изменившие
ход истории. Предисловие
Дмитрий GOBLIN Пучков**

«Питер»

2019

УДК 94(100)(092)

ББК 63.3(0)д

Яковлев Е.

Друг государства. Гении и бездарности, изменившие ход истории.
Предисловие Дмитрий GOBLIN Пучков / Е. Яковлев — «Питер»,
2019 — (Разведопрос)

ISBN 978-5-4461-1448-1

В основу новой книги Егора Яковлева, автора бестселлеров «Война на уничтожение» и «Красный шторм», легли биографии гениев, авантюристов и откровенных чудаков, в затеи которых мало кто верил. Они жили в разные эпохи, в разных странах и даже на разных континентах. Они пересекали на лыжах неизведанную Гренландию, создавали новые архитектурные стили, литературные направления и участвовали в становлении школы российской адвокатуры. Некоторые из них добились мировой известности, другие незаслуженно остались на периферии истории. Генрих Шлиман, Жюль Верн, Фритъоф Нансен, Федор Плевако – их поступки меняли и продолжают менять орнамент исторического полотна, а биографии – вдохновлять.

УДК 94(100)(092)

ББК 63.3(0)д

ISBN 978-5-4461-1448-1

© Яковлев Е., 2019

© Питер, 2019

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Ученые	9
Месмертная душа. Франц Месмер	9
Магнитная буря	10
Случай с Марией Терезией	10
Парижская одиссея	11
Приговор	12
Генрих Троянский. Генрих Шлиман	13
Родителей не выбирают	14
Сапоги на картонной подошве	15
Археолог-неофит	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

**Егор Яковлев, Goblin Пучков Дмитрий
Друг государства. Гении и бездарности,
изменившие ход истории. Предисловие
Дмитрий GOBLIN Пучков**

© ООО Издательство «Питер», 2020

© Серия «РАЗВЕДОПРОС», 2020

© Егор Яковлев, 2020

© Дмитрий GOBLIN Пучков, 2020

Предисловие

Я вас категорически приветствую!

Уже пять лет мы записываем исторические ролики с историком Егором Николаевичем Яковлевым. Ролики эти, как знают камрады, в основном про историю родной страны в первой половине XX века: Первую мировую войну, революцию, Гражданскую, план ГОЭЛРО, ликвидацию безграмотности и другие события. Была также отдельная серия видео про оккупационную политику нацистов во время Великой Отечественной войны: она легла в основу отличной книги Егора Яковлева «Война на уничтожение», вышедшей в серии «Тупичок Гоблина». Однако интересы Егора гораздо шире. В перерывах между съемками, на кухне «Тупичка», мы много беседовали о разных персонажах из прошлого, так или иначе попавших в наше поле зрения. В результате возникла идея написать нечто вроде своей собственного варианта ЖЗЛ: сборника остросюжетных биографий выдающихся граждан. Выдающиеся они, понятное дело, разным: кто-то талантом, кто-то героизмом, кто-то запредельным везением, а кто-то исключительной тупостью и бездарностью. Но интересны каждый по-своему. Прошло некоторое время – и книга готова! Я проглотил ее буквально за один вечер и только утирал пот, знакомясь с перипетиями судеб таких героев, как Генрих Шлиман, Клаус Манн или Александр Барченко. С особенным интересом прочел жизнеописание Фрэнсиса Уолсингема, одного из основателей спецслужб Британии. В наше советское детство полки были буквально завалены превосходными научно-популярными книжками. Именно их мне напомнил «Друг государства». Настоятельно рекомендую всему контингенту! Брать по две!

Дмитрий Goblin Пучков

Введение

Эта книга – «мой личный ЖЗЛ». Я долго мучил себя гамлетовским вопросом: будут ли герои второго ряда, пусть и вызвавшие мой жгучий интерес, любопытны кому-то еще? Тут уместно разместить благодарность издателям, которые терпеливо ждали, что я решу, хотя в их глазах явственно читалось желание пристегнуть меня наручниками к батарее и не выпускать из офиса, пока я не отдам им хоть какую-то рукопись. Однако они удержались. Тем временем на даче я наткнулся на старое издание книги «Твой восемнадцатый век» Натана Эйдельмана. Хотя эта популярная работа адресуется советскому молодому человеку, на самом деле в ее названии заключена известная доля лукавства. «Восемнадцатый век», разумеется, не «твой», а «мой», то есть авторский, эйдельмановский. Это Натан Яковлевич по своему вкусу (надо сказать, превосходному) отобрал персоны и события XVIII века и предложил нам квинтэссенцию давно ушедшей эпохи, пропущенной через **личные** симпатии-антипатии. Перечитав этот классический труд, я решил: почему нет? Я не равняю себя с мастером, но у него это сделано так хорошо, что, ей-богу, хочется повторить на другом материале. «Друг государства» – это своего рода оммаж, дань уважения советскому исследователю Эйдельману, который был гроссмейстером популярной истории и ни на йоту не устарел до сих пор.

Решающая роль личности в истории давно и успешно оспорена. Социально-экономические отношения, география, климат сегодня занимают серьезных историков гораздо больше, чем поступки конкретных людей, даже причисленных потомками к сонму великих. Биография перекочевала в число второстепенных исторических жанров – но лишь для ученых мужей; массовый читатель по-прежнему предпочтет бодрое жизнеописание статистическому анализу. Секрет этого противоречия прост: биография хороша тем, что ее несложно примерить на себя и через это почувствовать нерв истории. Быть может, и вам прекрасно известны люди, ставившие себя на место Наполеона при Аустерлице, Пушкина, получившего глумливый диплом ордена «рогоносцев», Лазарева, плывущего к берегам Антарктиды, ну или, на худой конец, Грейс Келли, вышедшей замуж за принца Монако. Полагаю, что для такого рода читателей в моей книге собран неплохой «гардероб».

Считаю своим долгом предупредить: в этом сборнике не будет массы моих исторических фаворитов из числа революционеров. Те, кто очертя голову бросался менять несправедливый социальный миропорядок, вместо того чтобы искать в нем уютное местечко, заслуживают отдельной книги. Костяк же этой составляют биографии гениев, авантюристов и даже откровенных чудаков, в затее которых, во всяком случае на их старте, мало кто верил. Между тем Генрих Шлиман и Зигмунд Фрейд, не говоря уже о Фритьофе Нансене, с успехом добились своего; на их фоне вклад в историю Франца Антона Месмера гораздо скромнее, не говоря уже об Александре Барченко, чьи изыскания сегодня выглядят не более чем ярким курьезом постреволуционного времени.

Курьезом можно было бы считать и мистификацию чешского поэта Вацлава Ганки, создавшего поддельный «древнечешский эпос», если бы его грандиозный обман не способствовал пробуждению национального самосознания чехов. «Краледворская рукопись» Ганки – пожалуй, самая успешная подделка в мировой истории, по сравнению с которой какая-нибудь «Велесова книга» выглядит откровенно жалко и маргинально. Чешский авантюрист дурил человечество больше ста лет: это, без сомнений, достижение, хотя затрудняюсь сказать, с «плюсом» или «минусом».

Не менее авантурной была биография еще одного героя, очерк о котором подарил название книге «Друг государства». Речь о Фрэнсисе Уолсингеме, современнике Шекспира, гении шпионажа, одном из самых успешных руководителей секретной службы за всю историю чело-

вечества. Возможно, вы вспомните его по блестящему исполнению Джеффри Раша в дилогии о королеве Елизавете режиссера Шекхара Капура.

Про адвоката Федора Плевако фильмов пока не снято, о чем можно только сожалеть. Судебная реформа Александра II породила созвездие блестящих судебных юристов, но только Плевако остался в памяти людей как «народный заступник». История этого человека, несмотря на обилие анекдотов о нем, – это предельно серьезная история про разные представления о справедливости у народа и элиты в Российской империи эпохи упадка. Плевако глубоко понимал и умело защищал первые, хотя с точки зрения собственно юриспруденции его мастерство может быть не понято.

Очерки об Александре Дюма, Жюле Верне и Генри Райдере Хаггарде написаны в знак признательности. Эти люди во многом сделали мое детство счастливым. Впрочем, если найти время и перечитать «Трех мушкетеров» и «Дочь Монтесумы», может выясниться, что не только детство.

Наименее авантюрной и весьма трагической выступает биография Клауса Манна. Мрачная история: сын великого человека не верит в свои силы и кончает с собой. Потом выясняется, что из-под его пера вышел великий роман, не оцененный современниками. Я написал об этом персонаже по преимуществу с терапевтическими целями: если вам вдруг покажется, что вы бездарь и всю жизнь делали какую-то ерунду, вспомните о Клаусе: человек просто не дождался своего часа. А ведь еще Лев Николаевич Толстой верно писал, что все приходит вовремя для того, кто умеет ждать.

Зачем нужны биографии? Кроме развлечения от сюжетных ходов, которые выписывает судьба, жизнеописания преподносят одну мораль, о которой хорошо бы помнить и в трудную, и в легкую минуту. Люди живут в истории, она вертит ими, как щепками, попавшими в смерч. И все же далеко не все оказываются покорны воле этого вихря. Некоторые умеют или, во всяком случае пытаются, действовать ему наперекор.

Именно их поступки в роковой час X меняют орнамент на историческом полотне.

Ученые

Месмертная душа. Франц Месмер (1734–1815)

Вы не знаете Вены. Сказки местного леса дошли до вас в гламурной романтической редакции. Но сотрите первый слой, сдуйте пену, посмотрите, как выглядит айсберг ниже водной поверхности. Вена, которую вы увидите, ужаснет, заинтригует, захватит вас. Вот в этом доме доктор Фрейд запускает в человеческие души свои психоаналитические щупальца. В том – холодная Венера в мехах доводит плеткой до экстаза Леопольда фон Захер-Мазоха. А там, в особняке на Загородной улице, Франц Антон Месмер, медик с двойственной репутацией провидца и шарлатана, проводит первый сеанс гипноза. Идемте же туда и посмотрим, что это за тип.

Для тех, кто слышит имя Месмера впервые, стоит привести два факта из его посмертного портфолио. Во-первых, лучшую книгу о нем написал не кто-нибудь, а Стефан Цвейг – не последний писатель XX века. Во-вторых, режиссер Ричард Споттисвуд снял про Франца Антона хоть и клюквенно-паточное, а все же хорошее кино в главной роли с превосходным Аланом Рикманом (он же – трагический профессор Снегг из экранизации «Гарри Поттера»).

То, что обстоятельства жизни давно покойного доктора вызвали творческую потенцию у грандов пера и кинокамеры, о многом говорит, не правда ли?

Магнитная буря

«Муза» Цвейга и Рикмана родилась в местечке Ицнанг 23 мая 1734 года. Первые тридцать лет жизни Месмера никак не предвещали его вступления в пантеон исторических фигур, скорее – судьбу добродушного, оплывшего жирком филистера. Франц Антон окончил медицинскую школу при Венском университете, но до поры был знаменит не как доктор, а скорее как светский щеголь. Высокий рост, правильные черты благородного лица, обходительность, безупречные манеры заставляли дам благоговеть перед ним, искать его расположения. Когда Месмеру исполнилось тридцать четыре, настойчивая богатая вдова Анна Мария фон Пош обставила соперниц и вышла за него замуж, попутно решив все материальные проблемы супруга. После чего Франц Антон, швыряя деньги жены на ветер, безоглядно погрузился в божественную жизнь. Он увлеченно музицировал, дружил с Гайдном и Глюком, под его патронажем состоялась премьера зингшпиля «Бастьен и Бастьена», автором которой был двенадцатилетний Моцарт... И никто не мог подумать, что у себя дома этот модный и, казалось бы, легкомысленный персонаж штудировал пожелтевшие труды средневекового врача, ученого и алхимика Теофрастуса Бомбастуса Гухенгеймского, более известного как Парацельс.

Согласно легендам, окружающим это имя, Парацельс нашел философский камень и открыл секрет вечной молодости. Но не это (во всяком случае, не только это) влекло Месмера к его наследию. Франца Антона интересовали старинные методы врачевания, которые официальная медицина XVIII века считала вздорными, – в частности использование для лечения магнитов. 28 июля 1774 года Месмер впервые решился применить в своей практике рекомендации Филиппа Ауреола Теофраста Бомбаста фон Гогенгейма. Его пациентка, 29-летняя девушка по имени Франциска Остерлайн, страдала от подагры. Врач отметил у нее сильные приливы крови к голове, которые сопровождались невыносимой болью в зубах и ушах, рвотой и потерей сознания. Когда стало ясно, что ни одно из традиционных лекарств несчастной не помогает, Франц Антон наложил ей на грудь и ступни несколько сильных магнитов. И тут свершилось: сначала тело больной сотрясли ужасные судороги, при виде которых доктора охватила паника, но затем... Остерлайн успокоилась! Боль ушла! Это было невероятно, так как раньше приступ продолжался несколько часов. Взмолванный Месмер почуял близость сенсационного открытия.

Случай с Марией Терезией

«Широко известно, что одна планета действует на другие планеты, а также что луна является причиной приливов и отливов водных масс... Я утверждаю, что космические тела оказывают также существенное влияние на живые организмы, преимущественно на их нервную систему, что достигается при помощи тонкого всепроникающего флюида. Это влияние космических тел выражается в изменении материи и органических тел». Такую декларацию опубликовал Месмер в 1776 году в Вене. В своих революционных взглядах он пошел дальше своего вдохновителя Парацельса. По мнению врача, существует два вида магнетической энергии – минеральная и животная, выделяемая живыми существами, в основном людьми. Неравномерное распределение животной энергии («магнетического флюида») в организме приводит к болезням. Но врач, воздействующий на пациента не столько природным магнитом, сколько собственным магнетизмом, способен восстановить гармоничный ток флюида и спасти таким образом больного.

Ортодоксальная наука дружно «похоронила» панацею XVIII века. Дилетант, проходимец и фантазер – такими научными титулами наградили Месмера убежденные седины и умудренные опытом коллеги. Тем не менее публика, не читавшая толстенных медицинских монографий, к Францу Антону потянулась, привлеченная свежестью его мышления. В числе прочих на прием к доктору попала слепая красавица-аристократка Мария Терезия фон Парадис. Дальше произошла история, достойная трагического гения Шекспира (не случайно именно ее эксплуатировал режиссер Споттисвуд в своем блокбастере). Кажется, между популярным врачом-новатором и его юной пациенткой сверкнуло любовное чувство – короткое, как вспышка молнии. Удивительный факт: самой Марии Терезии стало казаться, что она прозревает и уже может различать очертания предметов. Но увы – длилось это недолго. Враги Месмера приписывали произошедшее самовнушению пациентки и прямо объявляли доктора проходимцем. Поскольку девушка была любимицей австрийской императрицы, в честь которой ее, к слову, и называли, дело приняло неприятный для Франца Антона оборот.

Парижская одиссея

В 1778 году скандальный эскулап эмигрировал в веселый Париж, не замечаящий приближения Молоха Великой революции. Галлы, не без гримасы в адрес «немца-перца-колбасы», не потерпевшего «пророка в своем отечестве», встретили Месмера как триумфатора, начав запись к нему на прием еще до его приезда. Парижский дом Франца Антона на Вандомской площади трудно было перепутать с каким-то иным: рядом с громадным особняком постоянно дежурили швейцарские гвардейцы, регулировавшие уличное движение. «Животный магнетизм» продавался здесь хорошо, тем более что доктор значительно разнообразил практику. В центре большой залы в его клинике был установлен гигантский дубовый чан, заполненный металлическими опилками, битым стеклом и бутылками с загодя намагниченной Месмером водой. Из крышки «кастрюли» торчали специальные ручки, за которые хватались пациенты, выстроившись вокруг нее. Доктор подходил к каждому и касался очага болезни своим металлическим прутком (намагниченной палочкой), а его ассистенты тем временем нажимали больным на живот. У больных, по свидетельствам очевидцев, начинали наблюдаться конвульсии, судороги, плач и прочие неадекватные действия. После этих процедур Месмер силой убеждения погружал пациентов в лечебный транс или сон, то есть по сути гипнотизировал их. Надо сказать, что случаев какого-либо поразительного исцеления тут не было, но, пожалуй, никто не ушел из клиники австрийского «легионера» от медицины обозленным. Большая часть пациентов сдержанно говорила об улучшении своего здоровья. Деятельностью Месмера заинтересовались даже Людовик XVI и королева Мария-Антуанетта (кстати, соотечественница врача). А доктор-магнетизер тем временем продолжал множить разговоры вокруг своего имени. Дошло до того, что Франц Антон объявил: специально для бедняков, не способных оплатить его услуги, он намагнетизирует дерево на бульваре. Для начала. А потом, быть может, проделает то же самое с одним из парижских садов или парков.

В ответ на такую мощнейшую пиар-кампанию академическая наука вновь продемонстрировала, что у нее длинные руки и всякие выскочки-зазнайки должны знать свое место. Представительная делегация из Парижской медицинской академии с похоронным видом отстояла сеанс магнетического лечения на дому у Месмера и выдала недвусмысленную резолюцию: «Сие есть шарлатанство». С этого началась новая, уже французская, кампания против Месмера и его методов, которая закончилась в 1784 году образованием двух государственных комиссий. Им надлежало объективно оценить работы доктора и вынести окончательный вердикт.

Приговор

Комиссии были не комиссии, а просто «лиги выдающихся джентльменов». Изучить новую теорию призвали изобретателя громоотвода (одного из отцов-основателей США) Бенджамина Франклина, первооткрывателя кислорода Анри Лавуазье, анатома, подарившего свое имя одному занятому механизму, – Жоржа Гильотена и прочих светлых умов человечества. Все эксперты пришли к единому мнению, что магнетический флюид – это химера и теория животного магнетизма в корне неверна. Правда, один ученый все же выступил в защиту Месмера, это был директор Парижского ботанического сада Антуан Лоран де Жюсье. Он призвал коллег более глубоко проанализировать практику австрийского врача: ведь, несмотря на ложный посыл, случаи выздоровления его пациентов все же случались... Но в тот момент его голос потонул в общем хоре. Все позитивные результаты магнетического лечения «комиссары» приписали человеческому воображению: «Воображение без магнетизма вызывает конвульсии... Магнетизм без воображения не вызывает ничего».

Особые споры в стане «ревизоров» вызвала способность Месмера вводить больных в транс (термина «гипноз» тогда еще не существовало, его ввел позже английский врач Джеймс Брэйд). Ученые опасались, что поскольку этот метод полностью отдает пациента во власть доктора, то последствия его применения могут быть самые ужасные. «Всегда мужчины магнетизируют женщин: устанавливающиеся в этих целях отношения – несомненно, только отношения больной к своему врачу, но этот врач мужчина, – писал в секретном отчете королю все тот же Жюсье. – Какова бы ни была болезнь, она не лишает нас нашего пола и не избавляет нас целиком от власти другого пола». Справедливо ли это замечание? По всей вероятности, да, и хотя известный русский физиолог Иван Тарханов по этому поводу заметил, что «в данное время не существует ни одной судебно-медицинской экспертизы, в которой факт, к примеру, убийства, как следствие внушения был бы доказан с положительностью», полностью исключать такой вариант было нельзя. Потребовались годы, чтобы вернуть гипноз на службу медицине. В тот же момент практика месмеризма была в Париже запрещена, а сам доктор Месмер посрамлен.

Покинув Францию, Франц Антон возвратился в родные пенаты. Но Австрия не оказала ему гостеприимства – правда, на этот раз не из-за его научных убеждений. Теперь высшему свету пришлось не по вкусу его якобинские взгляды, особенно на фоне кровавой вакханалии Французской революции. Месмера выслали из страны, и последние двадцать лет жизни он незаметно прожил в Швейцарии, под Цюрихом. Его поклонники и последователи, которых тем не менее было немало, зачастую даже не знали, что их гуру еще жив. Для общества автор «теории животного магнетизма» умер намного раньше своей физической смерти.

Так кем же был Месмер на самом деле: шарлатаном или все-таки революционером от медицины? Скорее всего, ни то ни другое. С точки зрения современной науки его теория была неверна, но тем не менее ограниченное использование магнитов в лечебном процессе именно благодаря ему было признано уместным. Через десятки лет в число медицинских методов вернулся трансовый сон, впервые примененный именно Францем Антоном. Скорее всего, он был орудием истории, которое, через ошибки и заблуждения, продвигало человечество вперед.

Все это открытая часть биографии Месмера. Но яркая личность, обставлявшая свою деятельность театральными эффектами, которым позавидовал бы Споттисвуд, нанизала на свое имя массу туманных мифов и легенд. В салонах шептались, что он вовсе не врач, а маг. Что Месмер был послан тайными обществами для того, чтобы приоткрыть завесу сакральных знаний для народов Европы. Что первый мистик века граф Калиостро – его секретный друг и сподвижник. Но тем ощутимей атмосфера тайны, витающей на Загородной улице Вены, где начинал свой блистательный путь ученик Парацельса, холеный бонвиван и пытливый интеллектual Франц Антон Месмер.

Генрих Троянский. Генрих Шлиман (1822–1890)

Нас было трое студентов-первокурсников, устремивших очарованные взгляды в прошлое. В семнадцать лет академическое величие Ключевского кажется скучным, и маяками для нас служили биографии совсем других ученых: авантюристов, фантазеров, самоучек. Поэтому мы любили Генриха Шлимана, и каждый мечтал откопать свою Трою.

Да и как не любить, не чужой ведь человек. Двадцать лет бродил он по тем же улицам, что и мы, в первом браке был женат на купеческой дочке Кате Лыжиной, прекрасно говорил по-русски – даже не верится, что первыми учебниками «великого и могучего» для него послужили архаичная «Телемахида» Василия Тредиаковского и фривольные стихи Ивана Баркова. Здесь, в Петербурге, герр Шлиман успешно занимался бизнесом. Его деловая биография может стать украшением любого экономического журнала. Но вот что удивительно: богатство не было конечной целью коммерсанта, деньги он воспринимал как инструмент. Все гениальные комбинации ему пришлось изобрести, чтобы исполнить мечту – оживить легендарный Илион.

Родителей не выбирают

По Шлиману сходили с ума американцы: он воплотил пресловутую *american dream* – из грязи поднялся в князи. Его отец, пастор из маленького немецкого городка Анкерсхаген, был еще тот прохвост. Каждое воскресенье он провозглашал с амвона городской церкви слово Божье, а потом отправлялся веселиться с разбитными красотками в ближайший кабак. Моральные качества святого отца были настолько сомнительны, что после скоропостижной смерти его супруги пол-Анкерсхагена принялось строчить кляузы «куда следует» – мол, дело со смертью фрау нечисто. Кого боги хотят погубить, того они лишают разума: уже немолодой Эрнст Шлиман нарочито скоро женился на шестнадцатилетней любовнице, чем подкинул следствию очевидный мотив преступления. Стражи закона копали глубоко: факт женоубийства не доказали, зато выяснили, что в течение многих лет уважаемый пастор слишком вольно обращался с церковными финансами. Эрнста отрешили от должности, но тот был калач тертый: он ограбил собственных детей, забрав деньги, завещанные им матерью. Чтобы отпрыски, не дай бог, не взбунтовались, их отправили восвояси: маленький Генрих уехал в Фюрстенберг учеником одного из тамошних купцов. Разговор об Эрнсте Шлимане нужно закончить одной маленькой деталью: за всю жизнь этот ничтожный тип высек единственную искру, но ей было суждено разгореться в пожар великого открытия – именно он прочел сыну «Илиаду» Гомера.

Лучшими управляющими становятся те, кто прошел все ступени карьерной лестницы. Шлиман был таковым. Сначала заворачивал рыбу, потом стал рассыльным, далее – приказчиком, представителем компании в иностранной державе и, наконец, главой собственной фирмы. Люди его не жаловали, но фортуна преподнесла ему два невиданных подарка.

Во-первых, она сохранила ему жизнь. В восемнадцать лет Генрих решил попытать счастья в Новом Свете и нанялся юнгой на бриг, отплывающий в Венесуэлу. Темная ночь, шквальный ветер, сильнейший шторм, судно терпит крушение, и корабельного салагу смывает волной за борт. Захлебывающегося Шлимана за волосы вытащили из пучины матросы, успевшие спустить шлюпку до того, как корабль затонул.

Во-вторых, фортуна дала старт карьере Генриха. После кораблекрушения неудачливый моряк оказался в Амстердаме, где жил впроголодь в убогой клетушке, снятой на последние деньги. Но тут молодому человеку помогла мать, точнее, память о ней. Бедная, измученная черствостью мужа Луиза Шлиман вряд ли могла предполагать в день своей смерти, что в мире живет бесконечно преданный ей человек. Былой поклонник, добившийся в жизни успеха, отыскал ее сына, снабдил деньгами и рекомендовал на работу в солидный торговый дом.

Ну а дальше Генрих подтвердил истину: везет тому, кто «сам везет». Парень открыл у себя исключительные способности к языкам и превратился в подлинного полиглота: за смехотворно короткий срок он овладел семью европейскими языками. Оказавшись на службе в компании Шредеров, которая начинала торговлю с Петербургом, дальновидный Шлиман принялся за изучение русского. Он покупал в лавках переводные книги, рядом с ними располагал оригиналы и, сличая тексты, пытался проникнуть в смысл русских слов. Он выучил наизусть тяжелейшую «Телемахиду» Василия Тредиаковского и за четыре франка нанял старого еврея,

чтобы тот слушал его декламации. Увы, произведения, купленные Шлиманом, отличались архаичной лексикой. Купцы из России поднимали его на смех. Он хохотал вместе с ними, просил поправить и учился, учился, учился... Однажды его вызвали хозяева компании и сообщили: «Генрих, мы полагаем, что ты более всего подходишь на роль представителя нашего торгового дома в столице Российской империи». Какая это была победа!

Сапоги на картонной подошве

Россия стала для Генриха полем финансовых чудес. Спустя год он уже владелец собственной компании. В своей педантичности и деловитости этот удивительный немец предвосхитил образ гончаровского Штольца: ни одно его предприятие не потерпело фиаско. В Амстердаме покупали русский хлеб, привезенный Шлиманом, в России у коммерсанта охотно брали индиго и селитру. Параллельно бизнесмен вновь устремил свой взгляд к Новому Свету, где разгоралась золотая лихорадка. Созданный им Калифорнийский банк позволил увеличить и без того немалое состояние почти вдвое. Но рисовать образ Шлимана исключительно белой краской было бы ошибкой. Нам стоит помнить, что в годы Крымской войны русские солдаты сражались в сапогах от Шлимана... на картонной подошве. Желание дельца сэкономить дорого обошлось нашим предкам, защищавшим подступы к Севастополю. Окажись в тот момент Генрих тет-а-тет с адмиралом Нахимовым или хирургом Пироговым, ему, думается, трудно было бы сохранить свою персону в неприкосновенности. Спустя много лет Шлиман, уже известный археолог, попросил въезда в Россию. Император Александр II, для которого поражение в Крыму было постоянным кошмаром, в сердцах сказал приближенным: «Пусть приезжает, повесим». К разоблачениям, раздутым стараниями конкурентов, добавились неприятности в личной жизни. Тридцатилетний Шлиман женился на русской девушке Екатерине Лыжиной, принадлежавшей к богатейшей купеческой семье. Но Катя оказалась далека от немецкого идеала жены. Ее своеобразие и суровый характер приводили Генриха в ужас. У Шлиманов родилось трое детей, но назвать счастливым их брак язык вряд ли повернется. И вот захваченный врасплох кризисом среднего возраста Генрих решает все изменить и покидает Петербург.

Археолог-неофит

Шлиман с детства верил в реальность мифа. Недалеко от родительского дома находилась могила зловещего разбойника Хеннинга по прозвищу Брандеркирль. Рассказывали, что злодей заживо сжег одну из своих жертв, а после топтал пепел ногами. За это на него было наложено заклятье: каждый год из захоронения вылезала его нога в шелковом чулке. Маленький Генрих часами просиживал у могильного холмика в ожидании разбойничьей пятки и, отчаявшись, попросил отца сделать раскоп, чтобы посмотреть, куда она запропастилась.

А после у Генриха появилась тайна. С тех пор как отец прочел ему гомеровские строки, Шлиман уверовал в существование Трои. Все говорили «легенда», а он знал: было яблоко раздора. Парис украл Елену, погиб Патрокл, Ахиллес сражался с Гектором, а Одиссей придумал троянского коня. Найти, доказать, оживить древнее предание... По достижении материального благополучия это стало почти манией. Если бы тогда существовал кинематограф, создателям фильма «Троя» не пришлось бы долго искать баснословно щедрого спонсора.

Но, чтобы отыскать легендарный город, одного энтузиазма недостаточно, нужны знания. Генрих – ему уже исполнилось сорок шесть – отправляется за первым в жизни образованием и слушает лекции по археологии в Сорбонне. Получив минимум информации, он тут же организует экспедицию на средиземноморское побережье Турции и начинает раскопки – раскопки Трои. Ему не верят даже те, кто соглашается признать реальность древнего Илиона: считают, что город располагался совсем в другом месте – у поселка Пынарбаши. Но Шлиман был там,

сверял местность с описаниями Гомера, которым верил безоговорочно, и убедился: здесь Трои нет. Пынарбаши в трех часах от моря, а осаждавшие подступали к нему по нескольку раз в день, возвращаясь на корабли. Поэт говорит об одном горячем источнике, находящемся во владениях царя Приама, а тут их целых сорок. И разве мог разместиться величественный город с шестьюдесятью двумя зданиями на таком кусочке земли?! Нет, искать Трою надо у холма Хисарлык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.